

Сергей ОБУХОВСКИЙ

ПОСТАРЕЛА

Сергей Сергеевич Обуховский

Постарела. Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28952648

SelfPub; 2018

Аннотация

О женщине. О старости. О том, как к ней приходят. Героини каждого из рассказов – женщины преклонного возраста. У каждой своя судьба и своя история.

Содержание

Баба Шура	4
Невестка	8
Синий телефонный аппарат	12
Спичечный коробок	24
Черешня	27
Неблагодарные они...	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Баба Шура

Её знали все. От местной дворняги с надорванным ухом, которую она гоняла по утрам, до важного и напыщенного бизнесмена из третьего подъезда. Баба Шура. И хоть собаки сторонились её метлы, вся округа уважала и почитала бабу Шуру.

Рабочий халат ярко-василькового цвета. Туго повязанная белая косынка на голове. Вечно серьёзный вид и две морщины над переносицей. В общем-то, это и всё, что можно было сказать о внешности бабы Шуры. Никто и нигде не видел её в другом наряде. По вечерам местная пацанва подкарауливала бабу Шуру у магазина, но той чудным образом удавалось прошмыгнуть мимо, и сколько ни бились ребята, никто так и не мог сказать, снимает она свою белую косынку и васильковый халат или ходит в них вечно.

Жители дома №34 по улице Ракетной вот уже который год просыпались под один и тот же звук. Усердное чирканье метлы по асфальту пробуждало всех, даже самых отъявленных сонь и ярко выраженных сов. Ритмично, в такт отдалённому шуму проезжающей электрички, баба Шура начинала мести двор. Как рано она вставала, это тоже никому не было известно. Молодая, но уже многодетная Оля, продавщица

в магазине, утверждала, что баба Шура встает в шесть утра и уже в шесть пятнадцать начинает мести. Старик из пятого подъезда рассказывал, что уже в пять он слышит, как её тележка с мусором поскрипывает у его балкона. И сколько бы ни спорили жильцы дома, всё равно никому не удавалось встать раньше неё. Просыпаясь, все уже слышали бабы Шурину метлу.

Через пару часов весь двор блестел, и повсюду в уголках были заметны следы от её метлы. Сколько ей лет и как долго она работает дворничихой, тоже никто не знал. О возрасте даже не вспоминали. Старая она была, хоть и ни одной морщины на лице, только над переносицей. Всегда напряжённое и серьёзное лицо и укоризненный взгляд, направленный на нерях и курильщиков. Они её побаивались, и несладко приходилось тем, под чьим балконом баба Шура находила окурок.

Время шло, вырастали поколения, вчерашняя пацанва, караулившая бабу Шуру у магазина, уже воспитывала собственных детей, а она была все та же. Всё в той же идеально белой косынке, плотно завязанной на голове, и в васильковом халате.

Сменялись времена года, зима уступала место весне, а осень – лету. И в один из апрельских дней весь дом неужи-

данно проспал. Не слышно было метлы, не поскрипывали маленькие колёсики тележки. Баба Шура пропала. Уже новое поколение пацанов помчалось под её балкон – караулить. Покараулив день, так и ушли ни с чем.

В где-то через день на всех подъездах появились объявления, в которых предписывалось всем жильцам дома №34 сдать по пять гривен на нового дворника. Через день появился и он – с сизым носом, в чёрной футболке и в серых испачканных штанах.

Пенсионер с четвёртого этажа пошёл к управдому. Как так? Баба Шура, оказывается, всё убирала и чистила бесплатно не один десяток лет? А мы и не знали! И сама-то она где?

– Захворала, – ответила толстая управдомша и развела руками, – слегла. Говорит, не может больше убирать.

– А кто же ей оплачивал работу? – пенсионер продолжал терроризировать толстую тётку в гороховом платье.

– Да никто, дядя Федя, никто! Она живёт на свою пенсию. Детей нет у неё. И за работу не хотела брать, уж сколько я её просила.

– Как так? Дурная она, что ли? – дед Федор недоумённо пожал плечами.

– Метла и её тележка давали ей силы жить. Вот потому и

мела она каждое утро. Тем и жила старуха, понимаешь, дядь Федя? Полезной хотела быть... – женщина тяжело вздохнула и отвернулось к окну. – Не протянет она долго без метлы, не протянет... – со слезой в голосе прошептало гороховое платье и открыло окно...

И вдруг они оба с недоумением и удивлением посмотрели друг на друга. С улицы доносилось ритмичное почиркивание метлы и тихий монотонный голос, не терпящий возражений. Баба Шура стояла у дороги и бурчала на окурки, валявшиеся на клумбе с тюльпанами.

– Стоило мне неделю похворать, и ты посмотри, что понаделали... – и снова весь дом услышал неспешное и уверенное чирканье метлы по асфальту.

Всё становилось на свои места. Дом оживал, жильцы с облегчением вздыхали.

Баба Шура на работе!

Невестка

– Да чтоб я да ещё раз ступила на ваш порог!.. Не бывать этому никогда! – молодая невестка изо всех сил хлопнула дверью.

Спустившись с крыльца, чернобровая развернулась, погрозила в окно кулаком. Из окна молча выглядывала пепельная голова сухой старухи.

– Тьфу вам! – горячая невестка в порыве злости не сдерживала эмоций. Долго держала в себе. Прорвало. Сегодня кувшин терпения наполнился до краев и эмоции выплеснулись. Прямо на голову свекрухи.

Перебежав дорогу, Анна убавила шаг и уже не спеша зашла в свою калитку. Закрыв её на щеколду, направилась в просторный дом, стоящий на той же улице, что и маленькая хата свекрухи. Взмолвленная, она вновь и вновь прокручивала в голове разговор со старой матерью мужа, как эта капризная, недоверчивая и озлоблённая карга с узкими глазами обвиняла её во всех смертных и бессмертных грехах.

– Ишь, чего выдумала! – кипятилась Анна. – Я, видишь ли, плохо ухаживаю за мужем. За сыночком её ненаглядным. Ну и забирай его себе, дура старая! – невестка снова выругалась и взялась месить тесто, поставленное с утра.

Но тесто, учуяв плохое настроение хозяйки, не поддава-

лось её рукам.

– Сговорились вы все, что ли?! – хозяйка бросила и это дело. Вышла во двор. Вспомнив, что на огороде уже давным-давно пора убирать свёклу, она, заправив подол, бойко начала выдёргивать корнеплоды и сбрасывать в кучу.

Свекруха смотрела в окно на большой дом, куда убежала горячая невестка. Медленно и долго вздыхая, она проклонила себя за свой несдержанный и острый язык.

Куда ж ты лезешь, старая? У ней своя семья, пусть и разбираются, не, умудрилась ещё и самую младшую невестку настроить против себя! И чего тебе не живётся? Всё же хорошо! Войны нет, семеро детей, все живы-здоровы, позаводали свои семьи. Живи да радуйся. Нет же. Ох, был бы здесь Петька, муж покойный, всё полегче было бы. Что ж ты погиб-то так не вовремя, когда самому малому сыну всего месяцок исполнился.

Глубокие морщины вдоль и поперёк избородили тонкое лицо старухи. Полина была женщина хорошая, воспитала семерых, и никто не умер. Всех выходила. Старуха крепко призадумалась. С работами на поле за палочки в журнале чередовала воспитание спиногрызов. Тяжело было. Но справлялась. А сейчас что? Ноги уже не ходят. Несушек и то держать не может. А об огороде уже и речи нет. Картошку выкопать помогли. Буряк остался. Просить, что ли, кого-то? А кого ж

допросишься? Сыновья все заняты на жатве. Трое на комбайнах, трое шофёрами, а один подался на заработки. И где он – никому неведомо...

Солнце стало заходить. Над селом сгущались тучи. Заморосил дождик, омывая дорогу, прибивая пыль по краям. Девтора с криками бегала по лужам и стреляла из рогаток по воробьям, громко восторгалась своими успехами. Старуха Полина захлопнула створки окна и поковыляла в комнату. Прилегла на скрипучий диван и уснула, забыв покормить собаку.

Утро выдалось на редкость тихим. Вчерашний ветер утих. Прокричали уже третьи петухи. Управившись с тестом, невестка вышла в огород, чтоб убрать последние два рядка буряков.

Ну вот! Петька рад будет, как вернётся с уборки! Всё убрала! Сама! Молодая женщина в расцвете сил была довольна собой. Но её взгляд был хмурым. Вспомнила вчерашнюю ссору со старой каргой.

Аккуратно прикрыв свою калитку, молодая быстро перебежала дорогу и бесшумно вошла во двор свекрови. Чёрный лохматый пес, радостно виляя хвостом, тихо поскуливал, но, увидев жест хозяйки, улёгся, положил лохматую голову на

передние лапы и замолчал.

Обойдя хату, утренняя гостя обвела взглядом грядки, оценив объём работ. Двадцать длинных рядков свёклы. Немного, если не раскачиваться. Подоткнув длинный подол юбки, Анна принялась за дело. Воробьи внимательно следили за её движениями, изредка чирикавая.

Начинало припекать солнце. Анна услышала, как по улице погнали коров, и вспомнила, что ее бурёнка ещё даже не доена. Но решила быстро управиться с буряками и неслышно удалиться, чтобы не пересечься со старой каргой.

Когда ей осталось убрать последний рядок, воробьи неожиданно вспорхнули на вишню, стоящую у забора. Анна выпрямилась и испуганно обернулась. За её спиной стояла свекруха, держа на руках котёнка. Узкие серые глазки внимательно смотрели на невестку. Котёнок мяукнул, вырвался из рук старухи и помчался за кузнечиком.

Анна не смогла и слова вымолвить да так и стояла с большой головкой буряка в руках.

Старуха с крупной слезой на щеке улыбнулась и тихо прошептала:

– Пришла... невестушка...

Синий телефонный аппарат

– Алло! Да, мам, привет! Что? Целую ночь? Почему ты молчала? Боже! Всё, мы выезжаем!

Нервно швырнув телефонную трубку, мать бросилась в мою комнату.

– Лёша, доброе утро! Бабушка звонила, она всю ночь не спала, у неё приступ. Попросила её забрать.

– Как не спала? – у меня полезли глаза на лоб. Я резко подскочил с дивана и стал натягивать спортивки.

– Ты чего подскочил? – мать удивлённо посмотрела на меня.

– Как чего? Поеду с тобой к бабушке.

– Нет, оставайся дома, я сама поеду.

– Хорошо, – я недовольно плюхнулся обратно на диван.

Через минуту мама выбежала из квартиры. Полежав ещё минут пять, я почувствовал, что сердце не даёт мне заснуть. Его волнение и непонятные движения заставили меня встать и пройти на кухню. Поставив чайник, открыл холодильник. Достав кусок колбасы и вчерашний салат из помидоров, пожелал себе приятного аппетита. Поглощая салат, боковым зрением увидел, что чайник скоро начнёт будить соседей. Не вставая с табуретки, дотянулся до ручки конфорки и по-

вернул до упора влево. Огонь погас, чайник обиженно стал остывать.

За окном бушевала весна. Запахи цветущих каштанов, тюльпанов, поздних гиацинтов вселяли какую-то надежду. Наблюдая за дворовыми собаками за окном, я регулярно поворачивал голову в сторону прихожей, где молча стояла входная дверь. Прислушивался. В замочной скважине всё было тихо. Значит, мать ещё в дороге. Подошёл к телефонному аппарату. Сняв синюю трубку, набрал по памяти номер: три-шесть-семь-один-три-восемь. Послышались гудки в сопровождении потрескиваний и отдалённых голосов бабушкиных соседей. Насчитав семнадцать длинных гудков, я положил трубку. Вернулся на кухню, взглянул на чайник. Он молчал. Решил его порадовать и снова включил конфорку. Сделав шаг к окну, услышал на площадке отдалённые голоса. Голоса были женские. Подошёл к двери. Щёлк, ещё щёлк, дверь заскрипела и была готова встречать гостей. Голоса приближались. Тяжёлый вздох, второй, третий. Бабушка, переведя дух, зашла в квартиру. Жёлтое лицо и шум из груди. Хрипы заглушали всё вокруг. Прильнув к щеке, не почувствовал отдачи. Сделал шаг назад. Всё серьезно.

– Сколько вам лет? – седой бородатый доктор серьезно посмотрел на бабушку.

– Шестьдесят восемь.

– А-а-а-а... – протянул доктор и потянулся за шприцами, – я сделаю вам укол, предупреждаю, он болезненный.

– Не болезненнее её болячки! – нервно бросила мать и облокотилась о дверной проём.

Доктор зло взглянул на мать, кивнул медсестре и протянул ей ампулу с жёлтым порошком. Хрипы из груди продолжали сопровождать напряжённую обстановку.

– Мужчин прошу выйти, – доктор бросил быстрый взгляд на меня и встал с табуретки.

Я вышел, но из прихожей через плечо матери наблюдал за тем, что происходит в зале. Задрав край синего бабушкиного халата, доктор начал растирать ваткой место для укола. Запахло спиртом.

– Укол, – предупредил доктор, и я отчётливо услышал, как игла шприца проткнула бабушку и продвинулась на всю длину.

Прошла секунда, две, три, хрипы не прекращались. Через пять секунд из гортани бабушки слышались нечеловеческие, нарастающие, обрывающиеся звуки. Узкие серые глаза вмиг увеличились до невероятных размеров. Зрачки расширились. Доктор отбросил шприц в свой врачебный ящик. Вопли усиливались, мать в ужасе закрыла рот рукой и попятилась назад. Я не сдвинулся с места. Седой эскулап резко наклонился к своему сундуку, выбросил из него половину прозрачных ампул, нашёл самую маленькую с белым порошком. Сильные руки со вздутыми венами разломали её

пополам. Осколки вонзились в безымянный палец. Вобрав шприцем содержимое другой ампулы, резко взболтав, параллельно смахивая с пальца обильно текущую кровь, доктор потянулся к воплям. Лицо у бабушки перекосилось. Грубые морщины увеличились. Потрескавшиеся пальцы судорожно вцепились в большую подушку на диване.

– Сосудорасширяющее, – озвучил доктор и вколол в её левое плечо второй шприц.

Зрачки стали уменьшаться. Сухие пальцы ослабили хватку, и подушка спокойно вздохнула.

– Забираем вас в больницу.

Мать, не успев отойти от увиденного, взглянула доктору в глаза и задала всем понятный вопрос. Без слов.

– С сердцем у неё проблемы. Надо обследовать. Что потом – не знаю, – доктор вытащил из кармана платок и вытер пот, который заливал ему глаза.

Кровь из пальца продолжала сочиться. Зажав палец платком, он стал собирать ампулы, разбросанные по паркету.

– Привет, – я подбежал к ней.

Она лежала в углу большой и светлой палаты. На белой тумбе стоял сок, кружка и восемь ампул с зелёной полоской.

– Это ежедневные уколы – ответила бабушка. Сухо поцеловала меня и снова уставилась на капельницу.

Я уселся напротив. Мы молчали. Она ерзала рукой, слов-

но что-то не давало ей покоя.

– Тебе помочь? – я встал и наклонился.

– Рука печёт, жжёт как огонь... – пожаловалась бабушка и сглотнула слюну.

– Я позову медсестру.

Выйдя в коридор, я стал искать хоть кого-то в белом халате и с медицинским образованием. Мои поиски не увенчались успехом. Разочаровавшись, я вернулся в палату. Капельница продолжала капать. По сосредоточенным бабушкиным глазам я понял, что жжение продолжается. Кожа в месте, куда была вколота игла, вздулось. Надо было что-то делать. Пока я думал, что именно, в палату вошла медсестра.

– Ого, бабуля, что ж вы так? – медсестра попыталась переложить свою вину на пациентку.

Вытащив иглу, она внимательно посмотрела на руку, где красовался огромный пузырь жидкости.

– Ничего, рассосется, – медсестра быстро ретировалась.

Бабушка тяжело вздохнула, посмотрела на меня своими ласковыми глазами, которые я помнил ещё с пелёнок.

– Иди, внучок, домой, – ласково прошептала она, – мне надо отдохнуть.

Я прижался к её щеке. Щека была тёплая, но уже не та.

Две сестры шли по больничному коридору. Миновав три двери, остановились у четвёртой.

– У кого она жить будет?

– У меня пусть живёт.

– Почему?

– Ну, ей нельзя перетруждаться, пусть отдыхает уже. Возраст всё-таки.

– Ну и что? Её никто не будет заставлять работать. Тем более у меня большой дом, не то что твоя квартира. Свежий воздух. Живность какая-никакая, всё матери отраднее будет.

– Не знаю, Оля, пусть сама скажет, – и младшая сестра легко открыла палатную дверь, за которой уже стояла старая женщина.

– Я буду жить у вас по очереди, – опередила она вопрос сестер.

– Но мама...

– Месяц у тебя, месяц у тебя, – старуха поочерёдно повернулась к обеим сестрам, – а там посмотрим.

Июнь выдался необычайно жарким. Кондиционера в квартире не было. Старую женщину спасал синий вентилятор, всё время падающий на пол и рассыпающийся на детали. Задыхаясь, она наклонялась, собирала детали, и через полчаса вентилятор вновь наполнял небольшую комнату лёгким ветерком. Акация отцвела. Выгоревшая трава наводила уныние. Погладив занавески, старуха зашла на кухню. Всё было вымыто и начищено. Чайник блестел, окна тоже. Открыв дверцу под раковиной, она достала голубое ведро с чёрной

ручкой. Закрыв нижний замок на один поворот, спустилась на улицу. Старухи-соседки помахали ей руками. Выбросив мусор и держа ведро за чёрную ручку, старуха вспомнила, что сегодня тридцатый день. Значит, завтра она поедет к старшей дочери. Посидев с соседками полчаса, сидя женщина с хрипами в груди поднялась на третий этаж. Пройдя в спальню, посмотрела на свой ржавый чемодан. Застыла. Вернулась обратно, поставила ведро на место и включила воду. Набрав полный чайник, старуха включила телевизор. Очередной сериал пытался занять её внимание своим слюнявым сюжетом о несчастной любви.

– Ну ты звони, мам! – Ира поцеловала старуху и захлопнула дверь красной машины с царапиной на боку. Машина деверя нервно стартовала с места, увозя мать из небольшой и пыльной квартирki, где кроме глажки занавесок старухе нечем было заняться. Зять высадил тещу во дворе, занёс ржавый чемодан на первый этаж. От второго этажа сидя женщина с хрипами в груди наотрез отказалась. Сев на зелёный диван, она обернулась. Большое хозяйство старшей дочери поражало и огорчало. Уже завтра она будет смотреть за ним. В большой прихожей старуха заметила три чемодана. Отца, сына и матери. Уезжают на два месяца на Урал. Усмехнулась и закрыла глаза.

На улице дождь лил как из ведра. Выводок цыплят метался за квочкой, но огромные лужи не давали им шанса выжить. Из двадцати цыплят до сарая добрались лишь трое. Нервная квочка кудахтала и бросалась под ноги старухе, а та, вся мокрая, пыталась выловить утопленников, но безуспешно. Закрыв в сарае квочку с уцелевшими цыплятами, старуха заплакала. Проливной дождь смешивался с её слезами и смывал их в лужи. Старуха зашла в дом. Махнув рукой на грязные следы, прошла к дивану и рухнула на него.

Следующим утром грязная лопата с новым черенком аккуратно закапывала вчерашних утопленников. Квочка не приближалась, держалась в стороне и не подпускала троих цыплят к старухе. Вечером в доме, уставшем от вечных старушечьих вздохов, послышалось семейное трио голосов. Вернувшиеся путешественники наперебой рассказывали старухе новости. Она спокойно глотала одну новость за другой, молча перенося жжение в груди.

– Мам, а где цыплята? Вы что, их продали? – зять шутливо посмотрел на тещу.

– Вчера был ливень. Утопились. Закопаны под персиком у забора.

– Мам?.. – дочь удивлённо посмотрела на мать. На вопросительный взгляд ответа не последовало.

Ночь была тёмной и необычайно тихой. Холодный воздух принёс много росы. Старая мать, встав с первыми петухами,

вышла во двор. Накормив кур и оставшихся цыплят, зашла в дом. Открыв потрёпанный чемодан, она болезненно усмехнулась. Села и стала ждать. Через час послышался лестница заскрипела под тяжёлыми шагами, уверенно спускавшимися вниз.

– Мам? – зять перевёл взгляд со старухи на чемодан и обратно.

– Родь, отвези меня к... – в горле пересохло – ...к Ире.

Через минуту из гаража выехала красная машина с царапиной на боку. Водитель и пассажирка молча смотрели в одну и ту же точку. Шум утренних машин и гудки поезда пытались нарушить их молчание. Не вышло. Машина свернула на знакомую улицу и, резко затормозив, остановилась у второго подъезда. Лифт медленно поднял чемодан и двоих людей. Мужчина смотрел на кнопку лифта с цифрой «3». Старая женщина, опустив голову, смотрела на его начищенные чёрные туфли.

Телефонный аппарат синего цвета никогда не думал, что окажется столь нужной вещью. Старуха по утрам звонила старшей дочери. Длинные гудки обрывались резким сигналом. Старуха клала трубку и возвращалась на кухню. очередная попытка не принесла успеха. Ритуал с телефонным аппаратом повторялся ежедневно. Время шло. Хрипы сопровождали, как и раньше. Надежда не покидала её. Телефон-

ный аппарат помогал ей в этом. Трезвоня, он не понимал, что давал ложную надежду.

– Алло, а, это ты... – в голосе старухи послышалось разочарование. – Нет, не звонила и не отвечала. Нет, всё хорошо, погладила белье, сейчас вынесу мусор.

Кладя трубку, старуха тяжело вздохнула. Счёт приблизился к месяцу. В голове возникла мысль, но тут же улетела. Дом продан. Возвращаться некуда...

На даче было хорошо. Журчащая речка не давала мне покоя, и я решил искупаться. Гуси и без меня попасутся. Опустив ноги в речку, я медленно начал ими болтать. Со стороны дороги услышал приближающийся шум. Боковым зрением увидел отца. Он спешил ко мне.

– Бегом, загоняй гусей! – отец был сосредоточен и напряжён.

Я не стал задавать вопросов и начал сгонять гусей. Голова дала чёткий сигнал: что-то случилось. Проехав половину пути, отец повернулся ко мне и по его дрожащим губам я понял, что он сейчас скажет.

– Бабушка умерла, – еле выдавил отец. Карие глаза вмиг покрылись пеленой, и на впалых щеках заблестели слёзы.

В голове закружилось. Она умерла. Та, которую я любил. Вихрь мыслей набирал скорость и грозился обрушиться. Я

сжал голову. Машина остановилась у подъезда. Поднимаясь по лестнице, я внезапно остановился. Каждый шаг приближал меня к точке. К боли. К невозврату. Истошный крик с третьего этажа заставил меня очнуться и ускорить движение к этой боли. Наша дверь была открыта. Возле неё сидела мать. Подобие лица выдавало нечленораздельные возгласы и крики. Тушь перемешалась со слезами, и было непонятно, где рот, а где глаза. Шагнул в направлении, которое указала мне мамина рука, единственная часть тела, способная сейчас трезво выполнять свою функцию. На диване лежала она. В синем халате с геометрическим узором. Жёлтые треугольники и красные квадраты. Телефонный аппарат молчал.

– Набери тётку, – мать на миг замолчала и сумела выдать чёткую фразу.

Я медленно поднял трубку. Набрал номер, силился услышать всё, что там происходило. В трубке снова слышались голоса соседей с девятого этажа. Чья-то собака откусила себе лапу, теперь её лечат. У кого-то машина сгорела. Какая-то женщина громко алёкала, но ей никто не отвечал.

– Алло! Алло! Мам!?! Это ты? Чего ты молчишь?

– Алло! – я машинально ответил и пришёл в себя. Тётка уже минуту пыталась достучаться до моего сознания.

– А, Лёша, это ты?!

– Откуда знаешь? – я задал глупый вопрос, прекрасно помня, что телефон с определителем номера они поставили ещё год назад.

– Бабушка умерла... – выдавил я из себя и положил трубку.

Пройдя на кухню, споткнулся о мусорное ведро с чёрной ручкой. Оно было пустое. Вынесла. В последний раз.

Суббота выдалась жаркой. Не удивительно. Середина августа. Красный гроб медленно опускался в зияющую дыру. Люди начали расходиться. Мать ещё долго стояла на коленях и раскладывала гвоздики по всей могиле. Я стоял рядом. Тётка с семьёй делали то же самое с противоположной стороны. Покончив с этим, они направились к выходу. Подготовка к похоронам прошла быстро и молча. Мать, не проронившая ни слова ни вчера, ни сегодня утром, остановилась у калитки, подняла глаза на старшую сестру. Нервно кусая тонкие губы, спросила:

– За что?

Спичечный коробок

Киев активно готовился к зиме. Бабье лето резко сменилось пасмурным небом и сильными порывами ветра. Последние ещё одетые деревья торопливо сбрасывали листья, а уже голые охотились на прохожих и выстреливали в них своими блестящими коричневыми каштанами. Пройдясь по улице Малевича, я свернул на Немецкую, пытаюсь быстро добраться до метро «Олимпийская». Узрев красный сигнал светофора, машины медленно тянулись по маленькой улочке. Пробежав проезжую часть, я ступил на тротуар и замедлил шаг. Небольшой подъём, и моё внимание привлекла яркая вывеска. Глаза внимательно изучали красивый готический шрифт, который рекламировал мегапопулярную рок-звезду из Норвегии. Под рекламным щитом я заприметил маленькую, высохшую старушку в ситцевом платье. Её плечи покрывал пуховый платок. Одергивая его уголки, она что-то предлагала прохожим. В трясущихся руках, изуродованных страшным ревматизмом, старуха держала два коробка спичек.

«Прикурить что ли хочет? – подумал я и мысленно pokrутил пальцем у виска. – Куда ж тебе, старая, курить в твоём-то возрасте?»

Неожиданно ветер усилился, его порывы раскачивали

огромный рекламный щит с рок-звездой, но старушка и не думала уходить. Редкие прохожие быстрым шагом миновали угол, на котором стояла старая женщина. Я всё же решил подойти. Увидев, что я приближаюсь именно к ней, в уголках губ старухи затеплилась сдержанная улыбка. В её усталых глазах что-то как бы сверкнуло.

Приблизившись к ней на расстоянии шага, я рассмотрел, что старушка действительно держит в руках два коробка.

– Купите хотя бы один, – взглянула она на меня с надеждой, – хотя бы один, а?

– Купить коробок спичек? – моё тело напряглось, и ноги уже хотели сделать два шага назад.

– Да просто... понимаете... я – нищая... а просить милостыню стыдно... вот и решила что-то продать, чтобы не так... – её голос дрогнул, но, собравшись, она продолжила, – чтобы не так позорно было... понимаете? – её усталые карие глаза робко заглянули в мои.

– Уф-ф, – моя рука начала нервно шарить по карманам. Наткнувшись на хрустящую бумажку, я вытащил пятёрку, которой хватило бы лишь на буханку чёрного хлеба. Молча протянул старухе. Кивая трясущейся седой головой, она еле слышно прошептала «спасибо» и протянула мне коробок, на котором красовалось большое красное пламя.

– Спасибо... – я никак не мог выйти из ступора и медлен-

но побрёл в сторону метро, постоянно оглядываясь туда, где стояла старуха, держа в руках последний коробок спичек.

Ветер усиливался, в минуту на деревьях не осталось ни листочка, все лежали на асфальте вперемешку с каштанами. А рекламный щит продолжал скрежетать, пугая старушку с коробком в руках, искалеченных ревматизмом.

Черешня

– М-м-м-м-м, черешня-я-я-я-я! – внук, не успев раздеться с дороги, бросился на дальний огород, где посередине расовалось большое раскидистое дерево с дрожащими листочками.

Черешня занимала пол-огорода. Шутка ли, лишь одно дерево из последних десяти прижилось и единственное, которое дало плоды! И продолжало давать вот уже десять лет. Тогда ещё внука и в помине не было, а черешня в предвкушении, что ею будут наслаждаться, уже давала первые плоды.

Увещевания бабушки не возымели должного эффекта, и ей пришлось последовать за внуком. Пока старуха доковыляла до огорода, пацанёнок с чёрными глазёнками уже сидел на верхушке дерева и запихивал в рот чуть розоватые ягоды.

– Ну Максимка, ну я ж говорила, что нельзя так! Она ж ещё зелёная! – бабушка укоризненно покачала головой.

– Да как же зелёная, ба? Ты посмотри! Розовая! – и внук в подтверждение своих слов сорвал целую жменю ягод и стал слезать с дерева. – Смотри, ба, спелая!

– Ага, конечно! Спелая – это когда она красная-красная, как у моего петуха гребешок!

– Ну ба! Ты прям так и хочешь, чтобы скворцы её съе-

ли, да? – и Макс надулся, пытаясь продемонстрировать бабушке своё недовольство.

– Да какие скворцы? Ты ж у меня самый главный скворец! Остальные не успевают!

– И самый любимый, да? – Максим мигом спустился с верушки дерева и, прижавшись к бабушке, обнял ладошками её щёки.

Доброе лицо с серыми прищуренными глазами улыбалось Максу. Мальчишка, не отнимая рук, стал рассматривать родное лицо. За десять секунд он насчитал двадцать шесть морщин больших, тридцать четыре – помельче и пятнадцать морщинок, тонких, как паутинки.

– Ба, а ты такая смешная!

– Чего ж это?

– Ну не знаю, ты такая, такая, прямо такая...

– Какая же?

– Аппетитная! Так и хочется тебя скушать!

– Ох, Макс, снова ты проголодался, пошли, я твоих любимых оладий сделала!

– С вареньем?

– Со смородиновым!

– Ух ты! Ну, всё! Есть пока не буду тебя! Сначала оладьи, потом черешню, а потом...

– А потом суп с котом! Марш мыть руки, проказник! –

старушка мягко хлопнула мальчонку по попе и пошла вслед за ним.

Уминая горячие оладьи, Макс даже не думал на них дуть.

– Максим, ну куда ты гонишься? Никто ж не заберёт!

– А я никому и не отдам! – прищурился пацанёнок и облизал жирные пальцы. – А ещё есть?

– Есть, да не про вашу честь! – старушка решила пошутить с внуком.

– Как это так? – Макс удивлённо посмотрел на бабушку.

– А вот так! Новую порцию получишь, когда доброе дело сделаешь!

– Какое?

– Сходи в курятник, я забыла сегодня яйца снять.

– А-а-а-а! Хитренькая ты, ба! Ух, какая хитренька-а-а-я-я-я... – последние звуки уже доносились со стороны сарая, где жили куры.

– И что с ним делать? Так же и шею свёрнет себе когда-то! Шило в одном месте у него, что ли?

Бабушка встала за плиту дожаривать оладьи. Через минуту из дома донесся дребезжащий звонок телефона. Убавив газ в конфорке, старуха направилась в дом. На большом столе стоял синий аппарат, который так часто звонил некстати, когда она отдыхала, и так нагло молчал, когда ждала важно-

ГО ЗВОНКА.

– Алло! Да, родная! Здравствуй! Да, приехал! А как же! Обижаешь! Накормила уже его! Ага! Да! Он уже и на огороде успел побывать, отметил все изменения. Что убрала, что посадила, что подвязала. Не пацан, а настоящий завхоз! Что, говоришь? Черешня? Деньги нужны? Ну да, какой разговор! Приезжайте через недельку, она как раз в самый раз будет! Ну всё, пока-пока! Целую! Мужу привет!

Положив трубку, старушка взглянула в окно. На горизонте её внук уже успел сцепиться с соседским мальчишкой и навешать тому тумачков.

– Ох, непоседа! Сейчас ещё Машка мне взбучку задаст, как в прошлый раз. Пусть лучше своего внука учит защищаться, а не жалеет как девку!

Припадая на больную ногу, старушка торопливо вышла из дому и окликнула внука. Внук, услышав голос бабушки, успел-таки напоследок отвесить соседу ещё один крепкий подзатыльник и с чувством исполненного долга с высоко поднятой головой направился домой.

Через неделю на огороде у старухи был аншлаг, словно

съехался весь город. Дочка с зятем, внучка со своим кавалером и ещё одна незнакомая семейная пара. Все были заняты важным делом. Собирали небывалый урожай черешни. Одолжили у соседей большую металлическую лестницу, отыскивали крючки для вёдер, и работа закипела. Обильный урожай красивых, спелых и сочных ягод перемещался с веток в вёдра и в деревянные ящики. Все собирали ягоды, даже бабушка, один лишь Макс сидел на дереве насупившись.

«Это ж надо, – думал он, – раньше со скворцами боролся, а теперь что? С семьёй, что ли? Куда им столько черешни?»

На все просьбы и уговоры помочь собрать ягоды Максим отмахивался и отворачивался. Залез на самую большую ветку и никого к ней не подпускал.

– Чего ты жадничаешь? Тебе всё равно останется! – увещевал отец пацанёнка.

– Ага, конечно, останется! Одна гниль и останется! Не, я так не играю!

– Ой, ну и сиди, свет клином на тебе, что ли, сошёлся?

Спустя четыре часа упорного труда все ветки черешни распрямились. Освободившись от тяжёлого груза ягод, они потянулись к солнцу. Тридцать ящиков спелой черешни были погружены в машину. Все эти четыре часа Макс просидел на большой ветке и ни с кем не разговаривал.

Больше всего он обижался на бабушку. Ведь это именно

она позволила собрать всю ягоду. И даже его не спросила. «Вот пойду и отомщу ей!» – решил Максим. Пока взрослые готовились к отъезду и никто не обращал на него внимание, пацанёнок скрылся в курятнике. Там он разбил все пятнадцать яиц, которые были снесены за полдня.

Когда вышел, родители уже стояли у машины и прощались с бабушкой.

– Смотри за Максом, а то опять куда-то влезет.

– Уж постараюсь, только вот соседского мальчишку оберегать не собираюсь, – старушка усмехнулась и кивнула в сторону соседнего дома, где на заборе сидел мальчик с большими грустными глазами и перебинтованным большим пальцем.

– Скажи ещё, что это дело рук нашего сына, – дочка удивлённо вскинула брови.

– Ну не моих же! – старуха засмеялась. – Макс неделю назад успел уже с ним подраться.

– Настоящий боец! – отец Макса приобнял жену и подмигнул старухе. – Ну, нам пора, мам, мы – на базар!

– Хорошо, родные! Бог в помощь! Ангела-хранителя в дорогу вам!

– Спасибо! – дочка уселась на переднее сиденье, внучка с кавалером – на заднее. Взревел мотор, и старый жигулёнок умчался по широкой просёлочной дороге.

Макс уже успел забыть обиду и помчался к соседскому мальчонке с большими грустными глазами. Тот насторожился и уже приготовился дать отпор, но наш проказник обнял его и потащил за шиворот на рыбалку, показывать, какой он рыболов.

Ближе к вечеру в доме старушки раздался телефонный звонок.

– Алло! Да, родная! Доехали уже? Нет? Как нет? Сломались? Ого! Долго уже? У-у-у! Ну, может, назад, ко мне? Нет? Завтра дела в городе? А что ж с черешней? Выбросили? Как выбросили?! Вы шутите?! Груза много? Надо было выбросить лишний вес? Доча, ну не черешню ж выбрасывать!

У старухи на лбу проступила испарина. Все труды насмарку. Вот знала же, знала, что Макс обидится, нет, понимаешь, решила помочь. И малого лишила радости, и машина сломалась из-за этой клятвой черешни. Уж сколько себе говорила, что на двух стульях не усидишь, нет же, опять в своё болото полезла.

Старушка продолжала ругать себя ещё очень долго. Макс уже и забыл про черешню, лишь куча скорлупы в курятнике напоминала ему о мести. Но бабушка этого и не заметила. Куры с петухом к вечеру успели выклевать всю скорлупу от разбитых яиц.

Неблагодарные они...

– Видишь, у Кларки сын какой деловой? Всё время в работе, даже не здоровается с нами.

– Вижу, и что тут скажешь? Главное, что к матери приезжает.

– А тебе не кажется, что он приезжает не по своему желанию?

– С чего ты взяла?

– Ты посмотри на Кларку, сгорбилась, сморщилась вся, из дому выходит раз в месяц, чтобы коммуналку заплатить. А раньше? Вспомни! Каждый день грелась на солнышке, даже зимой, когда его не было.

– Точно-точно, она всегда говорила, что греется на солнышке, даже в двадцатиградусный мороз.

– А давай зайдём к ней сегодня?

– Нет, давай завтра, сегодня мой прихворнул что-то, я ему горчичники должна поставить.

– Хорошо, подружка, завтра зайду за тобой.

– В десять утра заходи, можешь не звонить, я дверь открою заранее.

Старушки встали со скамейки и разошлись по своим подъездам.

Утром Фаина Петровна зашла к своей давней подруге, с

которой когда-то они вместе работали на почте. Ольга Николаевна уже собралась. Заслышав знакомое шарканье, она наказала больному мужу не вставать с постели, пока не вернётся. Муж, послушно кивнув головой, взял толстую потрёпанную книжку и отвернулся к стене.

Две подружки не спеша вышли на улицу, перешли дорогу и зашли в соседний двор. На двери подъезда подружки увидели новый домофон. Постояли пару минут, монотонно, раз за разом нажимая на звонок домофона и тихо переговариваясь между собой.

– Да нет её дома, я тебе говорю.

– А где ж ей быть?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.